

НОВЫЙ ЗРИТЕЛЬ

28 октября
1928 года

ОРГАН МОСГУБПОЛИТПРОСВЕТА и УМЗП

Москва, 9, Страстная пл., 2/42. Театр-кино-печат. Тел. 3-32-66
Прием в редакции—четверг, пятница и суббота от 2 до 3 ч.

№ 44 (251)

ПЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

НА ИСТОРИЧЕСКИХ ПУТЯХ

Тридцатипятый юбилей МХТ I — событие огромного значения для нашей и, пожалуй, мировой театральной культуры.

Нет сомнения в том, что и поклонники, и противники театра переживают в одном отношении этот юбилей по одинаковому — и те, и другие не без большого внутреннего волнения подводят итоги этому тридцатилетию: первые — по причинам чувства преклонения, вторые — от сознания огромной трудности дела завоевания этого театра для общественной и художественной культуры страны советов и ее строителей.

Театр зародился в эпоху тяжелейшей политической реакции в России, тотчас после вступления на престол Николая II, когда только что была им сказана представителям земств знаменитая фраза о «бессмысленных мечтаниях».

Это была пора, когда, казавшись, всякая надежда на общественный просвет впереди для так называемого «либерального общества» померкла, но когда одновременно подымалась уже та ТРЕТЬЯ СИЛА, которой история предначертала решить вековой спор между прогрессом и реакцией, — подымался и строил свои авангарды пролетариат. В год открытия Художественно-Общедоступного театра произошел 1-й съезд социал-демократических групп, зародилось организованное рабочее движение, быстро стянувшее примиренцев и соглашателей и пошедшее большевистскими путями.

Театр был назван его основателями ОБЩЕДОСТУПНЫМ — это, конечно, не случайная игра воображения или слов — это было программой, точным указанием АДРЕСА. Театр обращался к широкой публике.

Но стал ли он, мог ли он стать действительно ОБЩЕДОСТУПНЫМ, массовым? Мог ли этот театр в условиях злейшей реакции превратиться в общеприятную трибуну, с высоты которой звучал бы ВО ВСЕГДА ГОЛОС протеста против несправедливости, громкий призыв к активной организации отпора силам мракобесия, черной тучей обволакивавшим и душившим все живое?

Конечно, нет!

Либеральная интеллигенция такими внутренними силами объективно располагать не могла. Она взяла на себя задачу ТИХОГО протеста, жалобы на свое собственное бессилие, заглушенного рыдания, мягкого проповедничества человечности, гуманности.

Общедоступный театр на своих подмостках утверждал право личности на бережное и чуткое отношение, он своими средствами раскрывал те бесконечно сложные и глубокие, что является содержанием человека, его ощущения и переживания, чтобы этим путем внедрить в грубую и жестокую мораль своего времени, «бездвременья» скорей, своей эпохи начала уважения к личности.

«Символом веры» театра, его светильником, несомненно, на всем пути его развития было горьковское: «Человек, — это звучит гордо!».

Разными средствами, на самом различном материале иностранной ли, русской драматургии, на пьесах современных ли, исторических ли, — театр утверждал этот основной, единственный и главный свой тезис.

С большим благородством, глубокой проникновенностью и великим достоинством театр нес в течение двадцатилетия свое знамя.

В эти же двадцать лет на другом фланге российской общественности, на том крайнем фланге, который корнями своими уходил в громадные, бурлящие силы, стоявшие по ту сторону официальной общественности в России, в массах пролетариата шла, непрестанно выростая и перестраиваясь в своем движении, революция Художественно-Общедоступного театра, Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков), утверждавшая тезис театра «человек — звучит гордо!» своими, другими средствами.

Октябрьская победа застала Художественный театр врасплох и лишь через 5 лет, в 1922 году, когда в РСФСР вернулась часть коллектива с В. И. Качаловым и О. Л. Книппер-Чеховой, театр начал снова нормально жить.

Художественный театр, конечно, и до сих пор НЕ НАШЕЛ своего лейтмотива, своего нового знамени В НОВЫХ условиях, отсюда все трудности и колебания.

Старый тезис, взятый вне времени, пространства и социальных признаков, не звучит, не может звучать в наших условиях.

И все попытки театра заиграть в этом своем привычном ключе несут ему разочарования и неудачи; это показали и «Унтиловски», и «Растрачки», и, в особенности, «Дни Турбиных».

«Бег» — пьеса, о постановке которой мечтает театр ныне, также таит в себе опасности этого же рода.

Найдет ли себя театр теперь, начиная свой четвертый десяток жизни, вступая во второй десяток новой, пооктябрьской эры?

Сыграет ли он действительную роль в наше время, роль, достойную его больших художественных сил?

Только при следующих условиях:

1. Когда НАШЕ дело, НАШЕ строительство, наши чаяния станут для него СВОИМ делом.

2. Когда те силы внутри театра, для которых такой путь ближе всего, — молодежь театра, найдет в нем такое место и получит такое значение, которое позволит ей влиять на пути театра.

3. Когда от чувства отвлеченной морали театр сумеет приблизиться к познанию классовой морали.

4. Когда в число своих выразительных средств он включит те, которые эту классовую мораль вскрывают и подчеркивают.

БОР. ВАКС